
КОНСТАНТИН ГАНИН

«НА ЛИНИИ ОГНЯ»

(РАССКАЗ)

(ПО МОТИВАМ РАССКАЗА ОТЦА О СВОЕМ
ДЕТСТВЕ)

- Ты вот послушай Федор, что я сейчас тебе расскажу, - мирно, по-стариковски начал дед Макар, с побряхтыванием усаживаясь на ступеньку в сенях нашего дома.

Его, то есть деда Макара голос был трескучий, но какой-то мягкий и беззлобный. Глаза, спрятанные под кустистыми бровями, лукаво щурились в сетке морщинистого лица. Рябинки солнечного света, пробивающегося через тюль веранды, украшали пол,

вязанный «в узелок» коврик, ступеньки, а теперь и деда Макара. Старик тяжело развернулся всем телом в сторону внутренней двери и его глаза быстро и словно случайно скользнули по моему укрытию. Спокойный, без резких перепадов голос продолжил, обращаясь к собирающемуся на работу отцу: «Федор, ты слышь чай, чо говорю?». Наш домик был обычных по тем временам, небольших размеров, а по нынешним временам – откровенно маленьким. Старик говорил без напряжения, будучи уверенным что его и так очень хорошо все слышат. Уж я-то, точно не пропустил ни одного слова, ни одного кряхтения... И беззлобная интонация в голосе старика не смягчила тянущего ощущения под ложечкой. В предчувствии отцовского ремня. Как сейчас принято говорить: «По результатам встречи».

Да..., деду Макару было, о чем рассказать. И я сейчас говорю не про две войны, через которые он прошёл. Я говорю про славные боевые события сегодняшнего солнечного и тихого утра.

Мой зад даже припекать начало в ожидании скорой расправы. Что ж, было за что...

Мой друг, Славка, жил на нашем порядке с угла, через дом от нашего. Хотя, можно сказать, что «был соседом». Наши участки,

разделенные ещё одним домом со стороны улицы, чудесным образом соприкосались со стороны внутреннего двора. Это не было чем-то неправильным, это не было тайной, уходящей в века. Подобную планировку нам обеспечил бывший сосед – Сергей Степанович - мужик добрый и неосмотрительно холостой, живший вместе со старой, но боевой матерью, в крохотном домике на два окна. Сергей Степанович, уезжая из города и готовя дом к продаже, последним вечером зашел к нам во двор. Он крикнул отца на крыльцо «на поговорить» и, не ходя «вокруг да около», выложил ему суть дела.

- Федор, мы завтра уедем... Ну, ты знаешь... Так ты знаешь чо... ты пораньше утром встань, и свой забор подвинь немного... Оставь с нашей стороны место под дорожку, а остальное пригороди. У тебя семья большая, а дворик уж очень смешной... Пригороди... Она, - он взглядом указал на свой дом, подразумевая мать, - конечно выбежит, кричать будет, ты не слушай ее... как тебе надо делай спокойненько. Ей дольше восьми все равно ругаться некогда. Переорется до восьми, а там и машина придет.

Отец так и поступил. Под крики и ругань уезжающей соседки он обеспечил нашу немалую семью дополнительным кусочком драгоценной земли. Вот так и досталось нам соседство

со Славкой вместе с соседской погребкой. Хороший мужик был Сергей Степанович, дай Бог ему доброй памяти. Хотя, я отвлекся...

Так вот, друг мой Славка, жил по соседству. Он слыл среди местных бабок и стариков, как бы это сказать, не уходя в фольклор?.. ну скажем «творческой натурой». Фантазия у него была и вправду безграничной, и многогранной. Причем почти всегда украшала не только его собственную жизнь и «пятую точку», но и оставляла яркий след в жизни его соседей. Хотя, в этот раз, все выглядело вполне безобидно и даже примитивно. Речь шла о вводе в эксплуатацию шикарного двухствольного поджига, созданного нашими со Славкой совместными усилиями. Прошлой ночью поджиг был доделан, доструган и дочищен. Его делали со знанием и с любовью. Трубку для ствола заказывали сверленую с толстыми стенками, рукоять вырезали из вишневого костыля. Добротное получилось изделие.

Наличие оружия у послевоенной ребятни не было чем-то необычным и преступным. Тем более в городе, куда свозили наследие войны на переплавку. Поэтому, не сильно таясь, мы предполагали провести испытания с минимальным отдалением от дома. И как можно быстрее.

Наскоро подумав, ночью мы шуметь все-таки не решились, хотя нетерпение подстёгивало. Мы перенесли событие на утро, когда наиболее ранимая часть населения – матери, уводят коров в стадо. Мишенью был выбран Славкин туалет, серым столбиком торчащий среди малины на границе наших огородов. Тактически, туалет был идеальным объектом: на попадание в другую цель без пристрелки мы особо не рассчитывали. А как дети послевоенных годов, знали, что в мелкую мишень и в пустоту палить опасно. Пустота она ведь не бесконечная – мало ли куда можно попасть. Так что, даже оценивая ситуацию взрослым умом, могу твердо заявить - туалет был обоснован.

Час был назначен и он неизбежно пробил, под зуд утренних, особо злых комаров. Вот только Славка к испытаниям припозднился. Впрочем, не об этом речь... Славка в конце концов явился. Я ему сказал о том, что думаю про него, и под виноватое сопение отторговал право первого выстрела.

Рука не дрогнула и поджиг нас не подвел... Мы и пальнуть то успели по разу... И как мы Славкиного деда не усмотрели? Когда он успел в туалет просочиться? Партизан старый. Одним словом, визит старика к отцу был как раз по этому поводу, пришел, так сказать, поделиться боевым опытом.

Дед, кликнув отца больше для вступления, чем для ответа, выдержал значительную паузу и начал повествование, прерываясь на кряхтение и хохотки.

- Проспал я сегодня Федор, до мух проспал. А как они меня совсем зазудили, так я и в поход до ветру отправился. Погода то сёдня! А? С утра морит! Опять к вечеру дышать будет нечем... И вот... Слышь Фёдь? Такое во мне сегодня настроение с утра было, хоть пой... Давеча все дела, какие мне Мариша за неделю повыдавала, справил. Думал – выходной сегодня будет! Я для жены нонче почти святой – не прицепиться... Ну да... а по утру, как положено..., - дед откряхтел правильную паузу и продолжил, - Только я пристроился, да и вроде опять подремывать начал, а тут кааак громыхнет! Да по сортиру чо-то кааак даст! Как молотом, Фёдь. А у меня рядом с ухом только «фьють», ей Богу Федор, как в войну. И щепку из двери вот такую Фёдь, вырвало, а в дырку лучик на меня светит. Я свои дела-то приостановил и было призадуматься хотел, а тут Фёдь аще раз, кааак даст! И опять фьють, Фёдь, чуть не по щеке!

Шум отца на кухне притих и в доме на какой-то миг воцарилась зловещая тишина. Я даже мух не слышал.

- Федь, ты слышишь? Федь, я всю жисть свою в тувалет как-то, в общем бесстрашно ходил... а тут на меня такой страх напал... Я, Федь, слышь да? Я прямо с сиделки, да на корачки. Как плюхнулся! Федь, и как в войну по окопу... так я до дому, на четвареньках... Ой стыдоба, Федь... с голым задом... Я дверь то в сортире лбом открывал в энто раз! Федь! Заноз нацеплял..., - дед Макар замолчал, кряхтя и сухой рукой перебирая кожу на морщинистом лбу, - Дааа! Хе, вот ведь черти, - беззвучно и беззлобно засмеялся он, мотая головой и нащупывая рукой положенную рядом клюку, - и ведь ползти то как неудобно со спущенными штанами.

Дед мягко и шершаво засмеялся. Я наблюдал его, пока спина отца не показалась в проеме и не закрыла от меня старика.

- Вот такой у меня нонче боевой опыт, Федор. Пойду в военкомат. Глядишь – орден дадут... Я ж, коль посмотреть, не назад драпал! Я вроде как в наступление пошёл, - зашелестел и закашлялся тихим смехом старик. - Ладно, пойду я, заболтался. Пока у тебя греюсь ордена порасхватают, - кряхтя и хмыкая застучал на ступенях старик. - Да и ты ступай, не то и тебя на заводе хватятся.

Я не дышал. Кажется, я ни разу не шевельнулся с начала рассказа и до тех пор, пока не щелкнула щеколда калитки за уходящим дедом.

А расправы никакой и не последовало. Отец, в своей житейской мудрости и при всей своей суровости, хорошо различал мальчишеское озорство по вредным и не вредным категориям. Наверное, понимая, что я все слышал, он счел достаточным наказанием свою молчаливую суровость и моё ожидание самого наказания. Ни слова не сказав, он ушел на работу. А у меня день стал бесконечно длинным. И с работы я отца ждал, не показываясь на глаза, но и не убегая из дому. Ждал ремня, честно ждал.

Интересные они были, фронтовики. Мирные. Красивые.

Август 2017 г.